

RU

Герои эпохи формирования национального самосознания малайцев:
система персонажей в рассказах Абдула Рахима Каджая (1894-1943)

Табунова К. В.

Аннотация. Цель данного исследования – выявить, каким образом концепция малайской национальной идентичности Абдула Рахима Салима Каджая (Abdul Rahim Salim Kajai, 1894-1943 гг.) определяет свойства системы персонажей его рассказов. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые продемонстрировано, как политические взгляды автора и его идеалы формируют определенную систему персонажей и транслируются через образы героев. В результате исследования внутри обширной системы персонажей рассказов Каджая выявляется четкая структура, группирующая персонажей в зависимости от их приверженности авторской идеологии, а выделенные категории героев коррелируют с их этническим происхождением. Подчеркивается, что национализм писателя обусловил особую сюжетную роль малайских протагонистов и предопределил значимость проблемы национальной идентичности малайцев. В ходе проведенной работы было установлено, что Каджай использует в своих рассказах четко выстроенную систему персонажей как инструмент для передачи своих идей, стимулируя малайскую аудиторию к саморефлексии, осмыслению собственного положения, что говорит о значимости его произведений в контексте формирования национальной идентичности.

EN

Heroes of the era of Malay national consciousness formation:
the character system in short stories by Abdul Rahim Kajai (1894-1943)

K. V. Tabunova

Abstract. The purpose of this study is to identify how Abdul Rahim Salim Kajai's (1894-1943) concept of Malay national identity shapes the character system in his short stories. The scientific novelty of the study lies in demonstrating for the first time how the author's political views and ideals shape a specific character system and are conveyed through the images of the heroes. As a result, the study reveals a clear structure within the extensive character system of Kajai's short stories, grouping the characters based on their commitment to the author's ideology, while the identified categories of heroes correlate with their ethnic origin. It is emphasized that the writer's nationalism determined the special role of Malay protagonists in the narrative and predetermined the significance of the issue of Malay national identity. The study established that Kajai uses a clearly structured system of characters in his stories as a tool for conveying his ideas, stimulating Malay audiences to self-reflect and consider their own situation, which speaks to the significance of his works in the context of national identity formation.

Введение

Статья посвящена творчеству Абдула Рахима Салима Каджая (Abdul Rahim Salim Kajai, 1894-1943 гг.) – малайского писателя-новелиста и журналиста. Помимо его пионерской роли в современной литературе Малайзии, Каджай считается зачинателем жанра рассказа – в истории страны остался его след как публициста и ярого малайского националиста.

В период творчества Абдула Рахима Каджая (1920-е – начало 1940-х гг.) малайская община Британской Малайи (с 31 августа 1957 г. – независимая Малайзия) переживает идеологическую трансформацию, вырабатывая концепцию национальной идентичности. Литература эпохи отражает это движение общественной мысли, имеющее огромное значение для становления нации. Актуальность изучения подобных процессов связана с их повсеместностью: вариант Малайзии дает материал для важных типологических сопоставлений. Кроме того, проблема идентичности является центральной для понимания культурного своеобразия нации (в качестве определения термина нации стоит привести цитату известного политолога и социолога Б. Андерсона:

«...это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации... в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» (2016, с. 30-31). Национальная идентичность рассматривается в психологическом плане как осознание различия, как категория биполярная, подразумевающая четкое осознание «своего» и «чужого» и разграничения на «мы» и «они» (Поршнева, 1966)), а способы ее проявления в художественных произведениях позволяют охарактеризовать особенности состояния литературы на конкретном этапе ее развития.

Для достижения поставленной цели исследования требовалось решить следующие задачи:

- исследовать исторический и социально-политический фон творчества Абдула Рахима Каджая;
- проанализировать образы героев ряда репрезентативных рассказов;
- классифицировать их с точки зрения соответствия националистическому идеалу автора.

Для решения поставленных задач используются описательный, биографический, историко-культурный, сравнительный методы. Для исследования исторического и социально-политического фона творчества Абдула Рахима Каджая использовались биографический и комплексный метод (привлекались данные исторических исследований); для анализа образов героев ряда репрезентативных рассказов использовались описательный и культурно-исторический методы; они же были применены для классификации этих героев в купе с элементами структурного анализа, позволившего выделить определенные группы персонажей.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам национальной идентичности, анализу литературных персонажей, а также истории Малайзии и малайской литературы.

Для описания процессов формирования национальной идентичности ключевое значение имела концепция Б. Андерсона (2016) о «воображаемых сообществах». Положения этого труда легли в основу анализа того, как рассказы Каджая конструируют образ малайской нации и противопоставляют её «чужакам».

Важным дополнением к концепции Андерсона стала работа Уильяма Р. Роффа (Roff, 1967), исследовавшего специфику малайского национализма в колониальный и постколониальный периоды. Наблюдения данного исследователя позволили интерпретировать конфликт между малайскими и немалайскими персонажами в рассказах Каджая как отражение реальных социально-политических процессов.

Для анализа системы персонажей использовались теоретические подходы Л. Я. Гинзбург (1979) и С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова (1994). Л. Я. Гинзбург рассматривала литературного персонажа как носителя определенной идеологии и ценностной системы, подчеркивая, что характер героя раскрывается через его поступки и взаимодействие с другими персонажами. С. С. Аверинцев развивал типологический подход к изучению персонажей, выделяя устойчивые модели героев, которые воплощают определенные культурные архетипы.

Историко-культурный контекст творчества Каджая был реконструирован с опорой на работы по истории Малайзии (Тюрин, Цыганов, 2010).

Важное значение для работы имели труды по истории малайской литературы В. И. Брагинского (1983) и Хашима Аванга (Awang, 1984), которые рассматривали развитие малайской прозы в колониальный и постколониальный периоды, анализировали роль литературы в формировании национального самосознания.

Материалами и объектами данного исследования выступают три известных рассказа Каджая: «История о богатстве, любви и национальном духе» (*Cerita Harta, Cinta dan Roh Kebangsaan*, 1939), «История об Аванге Путате» (*Cerita Awang Putat*, 1941) и «Тоска совы по луне – современная битва с адатом» (*Pungguk merindukan bulan – peperangan modern dengan adat perpatih*, 1941).

Основные положения и выводы в исследовании могут быть использованы в дальнейшем изучении особенностей построения системы персонажей в других рассказах Каджая, а также в других жанрах современной малайской литературы. Это придает работе не только теоретическое, но и прикладное значение. Кроме того, практическая значимость работы заключается в возможности выявления отдельных групп героев и персонажей, характерных для малайской литературы XX века. Полученные в ходе данного исследования результаты могут быть использованы в процессе преподавания следующих дисциплин: «История литератур стран Азии и Африки», «Литература Юго-Восточной Азии», «Сравнительное литературоведение». Кроме того, материалы работы могут быть полезны для разработки спецкурсов по малайской литературе и литературе региона.

Обсуждение и результаты

Исторический фон творчества Каджая

К началу XX в. в Британской Малайе сложились основы полиэтнического общества, что способствовало пробуждению этнического и национального самосознания малайцев. «Национально-культурная идентичность личности формируется в ситуациях осмысления универсалий ‘свое’ – ‘чужое’» (Карпухина, 2023, с. 184), и ситуация в колонии была именно такой.

Исторически подавляющее большинство местного населения составляли малайские крестьяне и рыбаки. Однако в результате британской колониальной политики и стремительного экономического развития региона произошел массовый приток иммигрантов на Малаккский полуостров. К началу Первой мировой войны

здесь сформировался рабочий класс, состоявший из этнических китайцев и индийцев, которые начали прибывать сюда еще в XIX в. в поисках заработка на местных оловянных рудниках и каучуковых плантациях. Из их среды закономерно вырастала и местная буржуазия.

Иммигранты трудились в более современных отраслях экономики. Деятельность малайцев, напротив, британские власти ограничивали традиционной для них сферой сельского хозяйства. Культура и быт коренного населения были сосредоточены вокруг малайской традиционной деревни (мал. *kampung*) (Roff, 1967, p. 19-20). Схожая колониальная политика проводилась и в сфере образования малайцев. Многие из них имели возможность окончить только начальную школу, освоив лишь чтение и письмо на малайском языке, азы арифметики и основы религии (Roff, 1967, p. 38-39; Sua, 2013, p. 337-347).

Такое положение привело к экономическому разрыву между городом, где проживали представители британской администрации, китайцы и индийцы, и деревней с ее малайским крестьянским населением. Росла разница в доходах и уровне жизни иммигрантских общин и малайцев. Городское население имело доступ к более современному образованию, здравоохранению, сфере развлечений и т. д. (Тюрин, Цыганов, 2010, с. 84-86).

В первые десятилетия XX в. малайцы стали болезненно осознавать невыгоду своего положения, что вело к зарождению в их среде антиколониальных настроений, а также порождало ксенофобию по отношению к этническим китайцам и индийцам (Abu Bakar, 2000, ms. 103-104). В период между двумя мировыми войнами в Британской Малайе зародилось малайское националистическое движение.

Подъем национализма нашел выражение в деятельности ранних малайских общественных организаций. Они выступали за привлечение малайцев к участию в общественной жизни и политике, защиту интересов коренного населения и развитие образования. Их цель состояла в прогрессе мусульманской (главным образом, малайской) общины для улучшения ее экономического положения и усиления ее политической роли. Это было обязательным условием для того, чтобы малайцы могли конкурировать с китайцами и индийцами, чье социально-культурное и экономическое присутствие становилось все более заметным. Для этого считались необходимыми просвещение малайской части населения, модернизация его сознания при соблюдении традиционных правил поведения и норм исламской этики.

Значительную популярность в начале XX столетия приобрели идеи реформистского ислама, пришедшие с Ближнего Востока. Их последователи ратовали за возрождение мусульманской общины через возврат к чистоте веры времен Пророка и освоение достижений западной цивилизации. Кроме того, развивалось и секулярное движение «разночинной малайской интеллигенции», лозунги которого были в основном антиколониальными (Тюрин, Цыганов, 2010, с. 131-132).

Участники этих общественно-политических движений в большой степени повлияли на развитие малайской журналистики и литературы. Особенно эффективным инструментом распространения новых идей стала пресса. К 1930-м гг. в Британской Малайе существовало около восьмидесяти журналов и газет на малайском языке, а к началу Второй мировой войны их число составляло около ста пятидесяти (Awang, 1984, ms. 274-275). Журналистам предстояло сыграть выдающуюся роль в развитии современной литературы Малайзии.

Периодические издания размещали рассказы, стихи, публицистику. В некоторых журналах отводилось специальное место для публикации рассказов, в основу сюжета которых была заложена идея социальной свободы, единства нации, образования и поиска национальной идентичности. Рождение и становление малайской новеллистики напрямую связаны с развитием журналистики, а также той социально-политической обстановкой, которая складывалась в Британской Малайе в 1920-1930-е гг. Свои силы в публицистике и литературном творчестве на страницах газет пробовали представители разных слоев малайского населения, но чаще наиболее образованные: учителя, преподаватели, политические деятели (Abu Bakar, 1984, ms. 23-31).

К числу таких авторов принадлежал Хаджи Абдул Рахим Салим Каджай (биографические сведения об Абдуле Рахеме Каджае даются по (Abu Bakar, 1984, ms. 8-51; Ghaus, 1973, ms. 50-51; Mohamad Thani, Sarah, Suhaimi, 1988, ms. 68-730)). Его журналистская карьера началась еще в 1925 г. На протяжении следующих пятнадцати лет он сотрудничал с известными малайскими изданиями. Чаще он писал эссе, в которых обсуждалось положение малайцев. Среди важных тем были необходимость создания политического объединения для борьбы с проблемами общины, низкий уровень жизни малайского населения по сравнению с китайцами и индийцами, его бедственное экономическое положение в целом. Каджай не только сочувствовал соплеменникам, но и критиковал их за отсутствие предпринимательской жилки и неумение отстаивать свои права. Он полагал, что решить проблемы его народа невозможно без борьбы и единства (Abu Bakar, 1984, ms. 87-91).

Политические взгляды Абдула Рахима Каджая нашли отражение в его литературных произведениях. Он известен как основоположник жанра рассказа в малайской литературе и по праву считается самым выдающимся малайским новеллистом первой половины XX в. Его произведения поднимают широкий спектр общественных проблем: от образования до религии и морали, от роли женщины в обществе до экономической конкуренции между разными этническими группами, населявшими Малаккский полуостров.

Героями рассказов Каджая являются представители всех этнических групп Британской Малайи, но малайцы неизменно занимают особое место. Предлагая пути к их экономическому и общественно-политическому успеху, Каджай вольно и невольно описывал черты национального характера – те, которые помогали решить проблемы общины, и те, которые мешали это сделать. Таким образом, вопрос национальной идентичности был для него краеугольным (Abu Bakar, 1984, ms. 104-108).

Герои, которых рисует Абдул Рахим Каджай, иллюстрируют его мировоззрение. «Литературный герой был бы собранием расплывающихся признаков, если бы не принцип связи – фокус авторской точки зрения» (1979, с. 90), – отмечает Л. Я. Гинзбург. Вследствие этого в произведении литературы присутствует

двойная аксиология. Ценности писателя и заложенные им в произведения оценки сопоставимы «с теми ценностями, носителями которых, по воле автора, являются его герои» (Гинзбург, 1979, с. 217). Следовательно, система персонажей произведений Каджая является важнейшим кодом, с помощью которого художественно зашифрованы его принципы и взгляды.

Главный герой – носитель авторской идеи в рассказах Каджая

Для малайской литературы начала XX в. свойственно четкое противопоставление главного положительного героя сугубо отрицательному антагонисту (Awang, 1984, ms. 145-148), и Каджай продолжает эту традицию. Автор основного исследования творчества писателя Абдул Латиф Абу Бакар указывает на то, что многие персонажи его рассказов изображены в черно-белых красках, и связывает это со стремлением Каджая показать читателю, какими принципами должен руководствоваться настоящий малаец (Awang, 1984, ms. 98). Герои четко разделяются по своим убеждениям, нравственным принципам и поступкам. Абдул Латиф Абу Бакар считает, что такие образы далеки от реальной жизни, где люди обладают индивидуальными особенностями, а их эмоции и чувства многогранны и переменчивы.

С оценками малайзийского исследователя можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, одномерность изображения персонажей связана не только с ангажированностью новеллистики Каджая, но и с особенностями этапа литературного развития, на который пришлось его творчество. Это был период зарождения и становления жанров современной литературы, еще не утратившей полностью связь с традицией. Традиционная же словесность отличалась функциональностью: каждая сфера литературной системы имела целью воспитание определенного уровня структуры личности (куртуазное поведение, разум, высшая духовность) (о функциональности традиционной малайской литературы см. (Брагинский, 1983, с. 161-201)). Каджай также стремился воспитывать своего читателя, и в этом отношении его произведения тоже функциональны – идеологизированы и дидактичны.

Во-вторых, знакомство с текстами Каджая убеждает, что не всех его героев можно назвать однозначно положительными или отрицательными. Наследие традиции давало о себе знать в творчестве писателя, однако индивидуально-творческое художественное сознание уже заявляло о себе. В первые десятилетия XX в. малайская литература уже вступила в эпоху, когда «человек в его индивидуальном облике и общественных связях становится основным объектом поэтического изображения» (Аверинцев, Андреев, Гаспаров, 1994, с. 33). У Каджая персонажи достаточно сложные, их взгляды и жизненная позиция могут меняться по ходу развития сюжета. Его протагонисты способны признавать свои ошибки, раскаиваться, поворачиваться к читателю неожиданной стороной. Их объединяют общие качества: такие герои, как правило, порядочны, честны с самими собой и окружающими, добры, стойки, храбры, верны своим идеалам.

Чаще всего протагонистом выступает молодой человек, но иногда и женский персонаж, как, например, в рассказе «История о богатстве, любви и национальном духе». Но независимо от пола протагонист в рассказах Абдула Рахима Каджая – всегда малаец, носитель исконной малайской культуры и ценностей, которые автор ценил в своих соотечественниках, стремясь сохранить их в современниках и воспитать в последующих поколениях. Такими персонажами являются Аванг Путат – главный герой «Истории Аванга Путата», Саламия – героиня рассказа «История о богатстве, любви и национальном духе» и Дави из рассказа «Тоска совы по луне – современная битва с адатом». В названии рассказа заложена аллюзия на традиционную малайскую аллгорию *тоска совы по луне* (мал. *Pungguk merindukan bulan*), означающую безответную любовь. Здесь также упомянут *adat perpatih* – адат (система обычного права) родственной малайцам народности минангкабау, предполагающий наследование по материнской линии (Wain, Saleh, 2024, p. 43-75). Действие рассказа происходит в местности, населенной минангкабау. Сам писатель также был минангкабау по происхождению.

В последнем из названных рассказов Дави работает шофером у семьи господина Абдула Рауфа, состоятельного торговца каучуком. «Абдул Рауф... получил английское образование в Малакке» и «придерживался западных традиций» (Kajai, 1988, ms. 47). Семья отказалась от малайских обычаев, живя по европейскому укладу. Халид, жених дочери Абдула Рауфа Тияны, тоже придерживается западного образа жизни.

В главную героиню тайно влюблен шофер семьи по имени Дави, протагонист рассказа. Вот что о нем думает Тияна: «...прилежный, автомобиль держит в чистоте, аккуратный, ругань терпит, готов работать с раннего утра до позднего вечера» (Kajai, 1988, ms. 49). Дави часто возит ее на машине, и в поездке они порой философствуют, разговаривают о роли националистической организации «Малайский Союз» (мал. *Kesatuan Melayu*) и многом другом. Тияна не понимает смысла борьбы организации и считает ее членов смутьянами. Герой, напротив, пылко сочувствует их деятельности.

Дави сознает, что никогда не сможет быть вместе с любимой девушкой из-за разного социального положения и уровня образования. Однако он считает, что Тияна с ее умом и статусом могла бы сделать многое для своей страны и народа. Он говорит, что национальное движение призвано защищать народ и может добиться перемен в положении малайцев, подчеркивает важность стремления предотвратить упадок общины и страны.

Дави упрекает Тияну и ее родителей в том, что они отказались от своей малайской идентичности и перестали следовать обычному праву: «Я говорю, что если бы не адат, то все малайцы в Нанинге (местность на севере штата Малакка, где разворачивается действие рассказа. – К. Т.) уже бы вымерли... Если бы не этот обычай, то все здешние деревни и поля, доставшиеся нам от наших предков, давно были бы уже заложены и распроданы на аукционах» (Kajai, 1988, ms. 52-53).

Главный герой также разочарован тем, что Тияна собирается выйти замуж за Халида, нарушив малайский обычай, ведь Халид не является малайцем (судя по всему, он индиец-мусульманин или полукровка). Дави говорит: «Если Вы выйдете за него замуж, то Ваши дети уже не будут малайцами. Вдобавок, Вы не можете не знать, что люди не нашей нации плетут против нас интриги... Вспомните, куда бы они не проникли, наш народ всегда становится их жертвой. Или, по меньшей мере, стравливают они нас, так что мы друг друга ненавидим, а они тут и добиваются своего...» (Kajai, 1988, ms. 53).

Для Дави, как и для самого Каджая, очень важен вопрос соответствия человека «определению малайца» (*takrif Melayu*). В понимании писателя под него подпадало коренное население Малаккского полуострова, а также родственные народы малайского мира (минангкабау, яванцы, бугийцы, мадурцы и др.) (Abu Bakar, 1984, ms. 10). Напротив, для него не являлись малайцами те, в чьих жилах текла смешанная кровь – потомков от браков малайцев с индийцами, китайцами и пр. (Abu Bakar, 1984, ms. 106-107). Поэтому и герой Каджая Дави так много уделяет внимания вопросам кровосмешения и малайской идентичности.

Юноша не только имеет твердые националистические убеждения, но и наделен целым рядом выдающихся человеческих качеств. Он абсолютно предан любимой девушке, кротко сносит ее гнев и высокомерие. В то же время он обладает чувством собственного достоинства: его терпение заканчивается, когда по наущению жениха Тияна унижает и оскорбляет его. Ее прежние нападки он долго был готов терпеть, теперь же тихо исчезает из семьи, отказавшись от хорошего заработка и благоволения работодателя.

Обида и боль не убивают преданность Дави Тияне. Он демонстрирует свою храбрость и отвагу, когда несколько раз спасает возлюбленную уже после расставания с ней. Впервые это происходит, когда она попадает в автомобильную катастрофу. Дави находит ее раненой вместе с родными в машине, упавшей в овраг. Он и отвозит Тияну с семьей в больницу. Второе спасение происходит некоторое время спустя, когда Тияна отправляется в свадебное путешествие с Халидом, и их корабль тонет. Дави оказывается на этом корабле в качестве матроса (многие сюжетные ходы также подчинены авторской идее и потому не вполне реалистичны). В другой раз он защищает ее от бандитов, напавших на нее по пути в Малакку (Kajai, 1988, ms. 57-65).

Всякий раз приходя на помощь Тияне, Дави благородно остается в тени, старается остаться неузнанным и не принимает вознаграждения. После череды случайных встреч он пропадает на несколько лет, так как понимает, что не смеет рассчитывать на союз с любимой. Автор рисует Дави не просто как порядочного и героически смелого юношу. Не менее, чем своей любви, он привержен националистическим идеалам, что проявляется в его образе мыслей, призывах к Тияне, а также в его поступках. Таким образом, Дави в понимании Каджая – образец практически идеального молодого малайца, задающий ориентир читателям.

Женским вариантом протагониста является Саламия, главная героиня рассказа «История о богатстве, любви и национальном духе». Родители хотят выдать ее за богатого араба Съеда Амбруса Аль-Мутаки, несмотря на то что ее сердце отдано другому. Они объясняют дочери, что бедны, а будущий муж Саламии «богат и к тому же Сеид (в исламском мире почётный титул Сеид (мал. *Syed*) носят мусульмане, которые возводят свою родословную к пророку Мухаммаду. Ранее во многих исламских странах, в том числе в малайском мире, сеиды пользовались особыми привилегиями и почитанием. – К. Т.)... И богат, и красив, и высокого происхождения, где ты такого еще сможешь сыскать» (Kajai, 1985, ms. 29).

Родители готовы отдать свою дочь замуж против ее воли за человека чужой традиции и культуры ради корыстных целей. В рассказах Каджая часто встречается тема неравного брака или брака по принуждению. Для Каджая неудачный брак тот, в котором нарушаются социальные или религиозные нормы и не соблюдаются малайские обычаи. Как правило, это брак принудительный и межконфессиональный (смешанный), заключенный по расчету ради статуса и богатства. Такие браки не принесут ничего, кроме разрушения, страдания. и обязательно завершатся разводом (Kajai, 1985, ms. 91).

Саламию увозят из родной деревни втайне от соседей. Съед Амбрус скрывает неравный брак от родных, которые не примут невестку – бедную малайку. Когда Саламия беременеет, муж уговаривает ее сделать аборт и грозит разводом, поскольку боится огласки. Девушка не желает избавиться от ребенка, и ей приходится вернуться в деревню к родным (Kajai, 1985, ms. 33-34). Случившееся заставляет ее начать размышлять о положении малайцев и межэтнических отношениях. В результате она присоединяется к женскому отделению националистического Малайского Союза.

Много лет спустя оставшийся бездетным Съед Амбрус узнает, что Саламия вырастила его сына, разыскивает его и предлагает признать, сделав наследником семейного бизнеса. Он также предлагает Саламии снова выйти за него замуж. Героиня отказывается, ведь если бы она вышла замуж за араба, то более не соответствовала бы столь важному в глазах Каджая «определению малайки» и не могла бы состоять в Малайском Союзе (Kajai, 1985, ms. 55). И хотя ее сын соглашается на предложение отца, Саламия ставит во главу угла свою малайскую идентичность и членство в националистической организации. В конечном итоге она прощает бывшего мужа, но вторым браком сочетается с малайцем, тоже активистом Союза.

Подобно Дави из рассмотренного выше рассказа, образ Саламии тоже раскрывается по ходу действия и эволюционирует еще более заметно. В начале рассказа она предстает послушной дочерью, которая не смеет перечить родителям и готова отказаться от своей любви, выйдя замуж по расчету. Однако затем она меняется, поступая решительно: под угрозой развода оставляет ребенка и готова одна его воспитывать. Так впервые Саламия проявляет твердость характера. Сформировав политические убеждения и оценив свою принадлежность к малайской нации, она делает это своим основным приоритетом и ставит выше материальных соображений. При этом она прощает отказавшегося от малайского статуса сына и бывшего мужа.

Женщина, какой Саламия становится к концу рассказа, также воплощает малайский женский идеал, нарисованный писателем-националистом: любящая мать, внутренне сильная и решительная, преданная борьбе своего народа за лучшую жизнь и великодушная.

В ряду протагонистов Каджая самым непростым и неоднозначным является Аванг Путат, именем которого назван один из самых известных рассказов писателя. Это молодой малаец, выросший в скромной деревенской семье. Беззаботный и озорной в начале повествования, постепенно он осознает, что с приходом в деревню «чужаков» – китайского торговца А Кау и братьев индийского происхождения Маджида Шаха и Хамида Шаха – разрушается привычный образ жизни местных жителей. Наблюдая своекорыстные происки пришельцев, Аванг Путат винит их в упадке деревни. Из-за их действий мечеть больше не является центром деревенской жизни: ее средоточием стал магазинчик А Кау, который регулярно появляется с подношениями в доме деревенского старосты. «Малайцы больше не выращивают сами овощи, а покупают их в китайской лавке, даже бетель стали там покупать» (Kajai, 1964, ms. 97).

Аванг Путат также оскорбляется как мусульманин из-за того, что китайцы стали покупать землю в его родной деревне и разводить свиней. Для его протеста есть и экономические причины: китайцы не имеют права покупать малайские земли, «но они все-таки покупают на имя Хамида Шаха... похоже, Хамид Шах стал подсадной уткой китайцев...» (Kajai, 1964, ms. 99-100). (Сознавая влияние мощного притока иммигрантов в Малайю и стремясь предотвратить его социально-политические последствия, британцы учредили т. н. 'малайский резерв' (*rizab Melayu*) – земли, предназначенные исключительно для сельскохозяйственного пользования малайцами (Тюрин, Цыганов, 2010, с. 77-78). Однако коррумпированные местные чиновники помогали обходить закон, когда земельные наделы выделялись для других целей.) Герой видит корень всех бед деревни в «чужаках» и смело выступает против них.

Аванг Путат отстаивает справедливость, но неоднозначным путем, особенно в глазах современного читателя. Малайский писатель Файсал Техрани (Tehrani, 2022) считает его героем весьма противоречивым. Юноша видит единственный способ избавиться от троицы чужаков, и это способ незаконный. Аванг становится предводителем малайских юнцов, «которые ничего не делают, кроме как доставляют неприятности своим родителям» – слоняются по ночам и играют в карты (Kajai, 1964, ms. 96). Однако герой делает это лишь для того, чтобы обрести союзников в борьбе за будущее деревни. Он завоевывает уважение приятелей своей щедростью и бесшабашностью в азартных играх, но не забывает о посещении мечети (Kajai, 1964, ms. 97). Видя это, жители деревни начинают лучше относиться к беспокойной молодежи, а Аванг готовит кампанию по борьбе с «чужаками». Он разъясняет людям, каким образом те наносят ущерб общему благосостоянию.

В результате китайский бизнес в деревне удается подорвать. В отместку недруги Аванга Путата провоцируют арест его с товарищами по надуманному обвинению. Невзирая на их происки, герой налаживает успешную торговлю. Когда его лавка по неизвестным причинам сгорает, он открывает другую, причем предоставляет там работу тем малайцам, у кого нет заработка. Вместе с друзьями он организует «альянс» по типу китайской триады, но «все-то их злодеяния и было, что бойкот Хамида Шаха и магазина А Кау» (Kajai, 1964, ms. 102).

Очевидно, что этот персонаж ради достижения своих целей прибегает к нехарактерным для положительного героя методам. Он действует доступными ему средствами, поскольку на помощь властей рассчитывать не может – те на стороне сильных и богатых. Для автора это еще один вариант положительного героя: жесткий, смелый и решительный лидер, стратег (спланировал устранение противников), упорный и предприимчивый. А самое главное, благодаря чему его действия оправдываются, Аванг Путат – горячий малайский националист, готовый жертвовать собой («сгореть как фитиль» ради общего дела, как говорит он своей матери (Kajai, 1964, ms. 97)).

Антагонист – всегда проигрывающий оппонент авторской идее

Малайский литературовед Хашим Исмаил в своей работе отмечал, что «конфликт между главным героем и другими персонажами или окружающей средой определяет основную идею, заложенную автором» (Ismail, 2023, ms. 130). В рассказах Абдула Рахима Каджая этот конфликт между идеологией протагониста и антагониста особенно явен.

Антагонисты в новеллистике Рахима Каджая закономерно изображены как противоположность положительным героям. Однако существенно, что обычно это носители другой культуры, представители другой этнической группы. Они могут иметь арабское, индийское или китайское происхождение. У Каджая они неизменно отличаются корыстью, надменностью, жестокостью и эгоизмом.

Одним из таких героев является Халид, главный отрицательный персонаж в рассказе «Тоска совы по луне – современная битва с адатом». Автор с самого начала дает понять читателю, что союз Халида и Тияны обречен, ведь он не соответствует малайским обычаям, поскольку жених не малайской крови. «...Он не малайского происхождения, если Вы выйдете за него, дети не будут малайцами, не будут той же нации, что и Вы...», – говорит Тияне протагонист Дави (Kajai, 1988, ms. 53).

Надменный Халид часто ведет себя жестоко и агрессивно по отношению к своей невесте, а потом жене Тияне, высокомерен к Дави. Он ревнует Тияну к главному герою и просит знакомых избить его за слишком близкое общение с ней. Халид пренебрежительно и нелестно отзываясь о малайцах, считает их ленивыми, способными только обсуждать Малайский Союз в кафе, но не работать. Он не раз оскорбляет Дави, ложно обвиняет и унижает его при всех, в том числе при Тияне (Kajai, 1988, ms. 64-65). Во время кораблекрушения он бросает Тияну одну, а потом не спешит известить о том, что ему самому удалось спастись (Kajai, 1988, ms. 66-67).

В рассказе «История о богатстве, любви и национальном духе» подобного рода героем является Съед Амбрус Аль-Мутаки. После того, как он бросает Саламию, у него так и не появляется детей от других жен. Его отец обещает, что передаст Съеду Амбрусу имущество только после того, как увидит своего внука. Друг Съеда Амбруса, знающий о том, что Саламия вырастила сына, за вознаграждение помогает с поиском бывшей жены. Спустя какое-то время Съед Амбрус встречается с сыном и предлагает признать его, дав титул Съеда вместе с крупным наследством.

Фигура Съеда Амбруса воплощает в себе все стереотипы восприятия малайцами богатых сеидов. Он свысока смотрит на малайцев, забирая малайскую девушку в жены, но считая ее недостойной того, чтобы быть представленной семье. Он запирает ее в четырех стенах, чтобы никто не узнал о его непрестижном браке, а родителей жены держит за прислугу. С Саламией обходится жестоко, вынуждая к аборт. Ближе к финалу он вспоминает о своем отцовском долге, только когда видит в этом выгоду. Героем движет алчность, а не родительская привязанность. Кроме того, он пытается купить хорошее отношение к себе титулом и деньгами (Kajai, 1985, ms. 53-54).

В рассказе «История об Аванге Путате» основным отрицательным персонажем становится индеец-мусульманин Хамид Шах, который вместе с братом и торговцем-китайцем поселяется в типичной малайской деревне, разрушая привычный образ жизни местных жителей. Х. Майер в своей статье подчеркивает, что появление этих трех персонажей в рассказе ознаменовало конец привычного для малайцев жизненного уклада. Деревня для носителей малайской культуры всегда считалась средоточием традиций, а ее обитатель – символом нравственной чистоты. Однако традиционные экономические и духовные основы оказываются подорванными после того, как «чужаки» забирают ключевые уважаемые посты: Маджид Шах становится директором школы, его брат Хамид Шах – председателем комитета мечети, а китаец А Кау открывает магазин и разводит свиней (Maier, 2010, p. 98-99).

Выводя в качестве антагонистов китайцев или индийцев, Каджай рисует их контрастно по отношению к малайцам, подчеркивая, что у «чужаков» свои взгляды на жизнь и своя мораль, которая несвойственна и даже противоположна принципам «чистокровных» малайцев. Отрицательные персонажи наделены целым набором низменных качеств – алчностью, приземленностью, коварством, непорядочностью. Они бросают возлюбленных, угнетают обездоленных и издеваются над слабыми. В историях, рассказанных Каджаем, они неспособны на добропорядочность, сострадание, милосердие и преданность, несмотря на их, казалось бы, благородное происхождение и зажиточность.

По законам идеологизированной литературы в финале писатель всегда карает таких героев, они оказываются посрамленными или униженными. Например, в рассказе «Тоска совы по луне – современная битва с адатом» Тияна понимает, что больше не может быть с Халидом, и не только из-за его пороков. Прислушавшись к призывам Дави работать на благо своего народа, она хочет вступить в Малайский Союз, а в этом случае не может быть замужем за «чужаком». Поэтому она решает развестись с мужем. В рассказе «История об Аванге Путате» в лавке китайца вдруг случается пожар. Помимо всего имущества, сгорают и долговые расписки жителей деревни на огромную сумму. Корыстный лавочник А Кау разоряется и сходит с ума, Маджид Шах уезжает из деревни, а главный антагонист Хамид Шах и вовсе расплачивается жизнью за свои поступки (его убивает обманутая жена).

Герои, поставленные перед выбором: переходный тип

В новеллистике Абдула Рахима Каджая протагонисты и антагонисты изменяются, но в рамках соответствующей парадигмы – положительной или отрицательной. Однако, кроме них, существует значительная группа персонажей, меняющих парадигму в целом. Их можно определить как героев переходного, пограничного типа, которые становятся другими под влиянием главных героев.

Разумеется, чаще стимул к их внутренним изменениям дает протагонист как носитель авторской идеологии. Те, с кем происходит подобная трансформация, в итоге способны признавать свои ошибки и больше соответствовать идеалу писателя.

Глубокую внутреннюю эволюцию проходит главный женский персонаж рассказа «Тоска совы по луне – современная битва с адатом» Тияна. Услышанные от Дави наставления и его благородные поступки заставляют героиню всерьез задуматься о своем предназначении. «С Тияной происходили большие перемены... Теперь она не только читала малайские газеты и журналы, но общалась с малайскими женщинами... Малайская мысль, малайское движение, стремления малайцев, отсталость малайцев – всему этому она уделяла внимание...» (Kajai, 1988, ms. 76).

Другой центральный женский образ – Чик Тех из рассказа «История об Аванге Путате» – также превращается к концу повествования почти в свою противоположность. Она тоже вынуждена жить в браке по принуждению с «чужаком», хотя любит Аванга Путата. Как и Саламия, сначала она не находит сил противиться выбору родителей, однако со временем осмеливается покарать мужа, обесчестившего ее сестру и заманившего в долговую кабалу ее отца. Когда коварный Маджид Шах в ответ на справедливые обвинения оскорбляет и избивает ее, она в ярости его убивает. Узнав об этом, Аванг Путат «очень оценил смелость Чик Тех, отплатившей за позор смертью» (Kajai, 1964, ms. 106). Автор определенно сочувствует преступившей закон героине.

Чик Тех предстает перед судом и проводит три года в тюрьме. После освобождения она возвращается в родную деревню и проявляет еще большую решимость, отказавшись выйти замуж за Аванга Путата. Она по-прежнему его любит, но не может простить унижение, которому он ее в сердцах подверг, когда она покорно вышла за другого. Кроме того, Чик Тех хочет искупить грех убийства клятвой безбрачия и «принести

себя в жертву ради благоденствия... родной деревни» (Kajai, 1964, ms. 109). Аванг, потрясенный ее твердостью, клянется также никогда не вступать в брак.

После бурных событий молодости оба героя всю жизнь трудятся для общественного блага: Чик Тех обучает детей читать Коран, а Аванг Путат занимается делами мечети и открытой им религиозной школы.

В начале рассказа Чик Тех изображается спокойной и смиренной, она не готова противостоять мужу и не думает о зле, которое приносят «чужаки». Однако по мере развития действия она раскрывается как сильная, пылкая, смелая женщина, способная даже на крайности для защиты своего достоинства. Более того, после больших испытаний она уже не думает о личной жизни и собственном благополучии, превращаясь в идеальный образ самоотверженной малайской националистки-общественницы.

Сходная эволюция происходит и с менее значимыми персонажами, например с родителями Саламии в рассказе «История о богатстве, любви и национальном духе». Сначала они насильно выдают дочь за немилого ей араба Съеда Амбруса ради выгоды. Они мирятся с унижительными условиями брака, но позднее осознают жестокость и безнравственность зятя, стремятся помочь дочери, а затем принимают ее идеи и общественно-политическую деятельность в женском крыле Малайского Союза.

Подобные герои иллюстрируют силу воздействия националистических убеждений и выступают важным примером: малаец может и должен раскрыть в себе лучшие качества национального характера.

Есть в рассказах Каджая еще одна группа персонажей – это герои, которые меняются в худшую сторону, делая неправильный выбор и раскрываясь с отрицательной стороны. Они зачастую инертны; в отличие от главных героев, они не борются с антагонистами, начинают потакать им и становятся их пособниками, искушаясь богатством или статусом. Существенно, что такое превращение обычно сопровождается отказом от своей идентичности.

В рассказе «История о богатстве, любви и национальном духе» сын Саламии Асуд, услышав о предложенном ему наследстве и титуле, после некоторой душевной борьбы соглашается. Переходя в клан сеидов, он отказывается от малайской идентичности. Одновременно он отказывается от своей возлюбленной и рушит тесные отношения с матерью ради денег и имени. Здесь Каджай проводит параллель выбора Асуда и Саламии. Асуд поддался искушению, в отличие от Саламии, которая предпочла сохранить свою идентичность.

В рассказе «История об Аванге Путате» действия Аванга Путата, который борется за интересы малайцев, оттеняются поведением других сельчан, которые мирятся с новыми реалиями деревенской жизни и делают сообщниками «чужаков». Они не брезгуют обманом и нарушают закон.

Староста Бангконг и уважаемый всеми Чолин, отец Чик Тех, вместе с Хамидом Шахом контролируют всю округу. Они помогают «чужакам» нелегально скупать землю в деревне. Но, как и антагонисты, в финале рассказа староста и Чолин не остаются безнаказанными. Бангконг рано уходит из жизни, у Чолина умирает сын, его младшую дочь бесчестит Хамид Шах, а сам он оказывается должником лавочника-китайца (Kajai, 1964, ms. 120).

В лице таких героев, как Асуд, Бангконг и Чолин, автор показывает читателю, какими малайцам быть не следует. Такие герои оттеняют протагонистов, которые остаются героями стойкими, принципиальными, целеустремленными и храбрыми. Читателю ясно, что те, кто не радеет за интересы и судьбы малайцев, представляют собой отталкивающих личностей на фоне истинных малайцев, таких как Аванг Путат, Саламия и Дави.

Заключение

Предпринятый выше анализ позволяет сформулировать ряд выводов. В силу социально-исторических условий и особенностей биографии Абдул Рахим Каджай, как убежденный националист и писатель, создавал персонажей, которые так или иначе отражали и передавали его идеи. Каджай не характеризовал своих героев прямым авторским текстом, за них говорили их поступки. Так он стремился донести до малайского читателя, какими должны быть его соотечественники, а какими быть не стоит и каких людей нужно избегать.

Автор вводит три основные группы главных персонажей, которые отвечают цели его художественных текстов. Для него идеальным протагонистом был герой-малаец, совмещающий в себе такие качества, как отвага, доброта, терпение и готовность жертвовать собой ради близких. Этих героев отличают сила духа и воля. Таковыми являются Дави, Саламия и Аванг Путат. Важнейшая возложенная на них задача – транслировать националистические идеи автора, по сути, это герои-идеологи. Антагонисты у Каджая, как правило, являются «чужаками», это этнические китайцы, арабы, индийцы-мусульмане или полукровки. Они неспособны на сострадание, милосердие, честность и твердость духа. Таковыми героями, как Халид, Съед Амбрус, Хамид Шах и А Кау, движут корысть и алчность, гордыня и эгоизм.

Кроме того, Каджай вводит персонажей «переходного» типа, они могут меняться по ходу развития сюжета. Это тоже малайцы, находящиеся под влиянием протагониста или антагониста. Первые находят в себе силы служить общественному идеалу. Вторые, напротив, отказываются от борьбы и становятся пособниками антагонистов, за что в итоге расплачиваются.

Таким образом, националистический посыл Каджая реализуется через четко организованную систему персонажей. Два основных типа – протагонисты и антагонисты – иллюстрируют авторскую идею либо напрямую, либо от противного. Персонажи, переходящие из лагеря антагониста в лагерь протагониста (или наоборот), демонстрируют своей судьбой правильность или губительность идеологического выбора. Герои Абдула Рахима Каджая своими судьбами должны были убеждать читателя не меньше, чем его пламенная публицистика.

Итоги, полученные в результате данного исследования, создают перспективу дальнейшего изучения творчества значимого автора довоенной малайской литературы как единства идеологического стержня и поэтики.

В будущем данный подход применим к анализу других компонентов художественной парадигмы текстов Каджая для установления взаимосвязи между его концепцией малайской идентичности и композицией, сюжетостроением, использованием определенных тропов и т. д. Результаты исследования также дают ценный материал для рассмотрения художественных особенностей современной малайской прозы на ранних этапах ее развития.

Материалы исследования | Research materials

1. Kajai A. R. Cerita Awang Putat // Rintisan. Antoloji Cherita Pendek Melayu Sa-belum Perang Dunia Kedua / ed. A. Ahmad. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1964.
2. Kajai A. R. Cerita Harta, Cinta dan Roh Kebangsaan // Satira Kajai: Cerpen Pilihan Abdul Rahim Kajai / ed. H. Awang. Petaling Jaya: Penerbit Fajar Bakti Sdn Bhd, 1985.
3. Kajai A. R. Pungguk merindukan bulan – peperangan modern dengan adat perpatih // Cerpen Malaysia Sebelum Perang Dunia Ke-2 / ed. H. Awang. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1988.

Источники | References

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
3. Брагинский В. И. История малайской литературы VII-XIX веков. М.: Наука, 1983.
4. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
5. Карпухина В. Н. Национальная идентичность и литературный канон в британской традиции XX в. // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 1.
6. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.
7. Тюрин В. А., Цыганов В. А. История Малайзии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
8. Abu Bakar A. L. Abdul Rahim Kajai: Wartawan dan Sastrawan Melayu. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1984.
9. Abu Bakar A. L. Isu dan Semangat Kebangsaan Melayu dalam Kebudayaan Kebangsaan // Jurnal Pengajian Media Malaysia. 2000. Jilid 3. № 1 (на мал. языке).
10. Awang H. Kesusasteraan Melayu dalam Kritikan dan Sejarah. Selangor: Penerbit Fajar Bakti Sdn Bhd, 1984.
11. Ghaus M. S. Ahmad Rahim Kajai dengan Keunggulan Politik Melayu dan Kemajuan Ekonomi Melayu // Jebat. Journal of History, Politics and Strategic Studies. 1973. № 3-4 (на мал. языке).
12. Ismail H. Konsep dan Genre Kesusasteraan Melayu. Kuala Lumpur: Penerbit Universiti Malaya, 2023 (на мал. языке).
13. Maier H. The writings of Abdul Rahim Kajai: Malay nostalgia in a crystal // Journal of Southeast Asian Studies. 2010. Vol. 41. Issue 1.
14. Mohamad Thani A., Sarah S., Suhaimi H. M. Wajah. Biografi Penulis. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1988.
15. Roff W. R. The Origins of Malay Nationalism 1900-1941. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1967.
16. Sua T. Y. The British Educational Policy for Indigenous Community in Malaya 1870-1957: Dualistic Structure, Colonial Interests and Malay Radical Nationalism // International Journal of Educational Development. 2013. № 33.
17. Tehrani F. Cerita Awang Putat: Suara Jelata Rahim Kajai. The Malaysian Insight. 2022. <https://www.the-malaysianinsight.com/bahasa/s/384052>
18. Wain A., Saleh N. Adat Perpatih in Malaysia: Nature, History, Practice, and Contemporary Issues // Matrilineal, Matriarchal, and Matrifocal Islam: The World of Women-Centric Islam / ed. A. Panakal, N. M Arif. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2024.

Информация об авторах | Author information



Табунова Кира Викторовна¹

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва



Kira Viktorovna Tabunova¹

¹ Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ kira_herd00@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.12.2025; опубликовано online (published online): 24.02.2026.

Ключевые слова (keywords): ранний малайский рассказ; Абдул Рахим Каджай; система персонажей; национальная идентичность; Malay short story; Abdul Rahim Kajai; character system; national identity.